

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ / RUSSIAN LITERATURE AND LITERATURE OF THE PEOPLES OF THE RUSSIAN FEDERATION

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.40.3>

ТЕКСТЫ ЛИТЕРАТУРНОЙ ДИАРИСТИКИ В ЯКУТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ ДНЕВНИКА А.Е. КУЛАКОВСКОГО)

Научная статья

Дарбасова С.Д.^{1,*}

¹ ORCID : 0000-0002-3691-4483;

¹ Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, Якутск, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (dars07[at]mail.ru)

Аннотация

Введенный в научный оборот в конце XX века термин «эго-документы» в последнее время получает развитие в литературоведческих исследованиях. Самым распространенным видом документа личного происхождения является дневник, где собственное «я» diarиста занимает центральное место. В теле дневника отражается внутренний мир автора как концептуализированное личное пространство субъекта, основанное на ценностных установках, мировоззрении, культурном опыте человека в целом.

Несмотря на большой объем источниковедческой базы диаристического жанра в якутской литературе, дневники писателей становятся объектом исследования ученых только в начале XX в. В этом плане дневник основоположника якутской литературы, философа и ученого А.Е. Кулаковского (1877-1926) не является исключением. Изданный отдельной книгой в 2018 г. дневник был написан во время вынужденного пребывания автора в отдаленном северном улусе (1923-1924 гг.). Этот период жизни классика вызывал наибольшие споры биографов с точки зрения господствующей в стране идеологии, однако именно в это время были созданы уникальные научные труды и поэтические произведения. Сеймчанский дневник – ценный источник, не только проливающий свет в малоизученный в биографическом плане период жизни классика, но и объясняющий креативную деятельность поэта и ученого как персональный текст, созданный в кризисной ситуации.

Результаты исследования могут быть полезны для создания интеллектуальной биографии Кулаковского в свете новой биографической истории.

Ключевые слова: якутская литература, А.Е. Кулаковский, эго-документы, дневник, диарист, картина мира писателя.

TEXTS OF LITERARY DIARRISM IN YAKUT LITERATURE (ON THE EXAMPLE OF A.E. KULAKOVSKY'S DIARY)

Research article

Darbasova S.D.^{1,*}

¹ ORCID : 0000-0002-3691-4483;

¹ M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation

* Corresponding author (dars07[at]mail.ru)

Abstract

Introduced into scholarly usage at the end of the twentieth century, the term 'ego-documents' has recently been developed in literary studies. The most common type of personal document is the diary, where the diarist's own ego takes centre stage. The body of the diary reflects the author's inner world as a conceptualized personal space of the subject, based on the values, worldview and cultural experience of the person as a whole.

Despite the large source base of the diarist genre in Yakut literature, writers' diaries become the object of academic research only at the beginning of the 20th century. In this regard, the diary of the founder of Yakut literature, philosopher and scholar A.E. Kulakovsky (1877-1926) is no exception. Published as a separate book in 2018, the diary was written during the author's forced stay in a remote northern ulus (1923-1924). This period of the classicist's life was most controversial for biographers in terms of the prevailing ideology in the country, but it was also the time when unique scholarly works and poetic works were created. The Seymchan Diary is a valuable source that not only sheds light on a biographically understudied period in the life of the classic, but also explains the creative work of the poet and scholar as a personal text created in a crisis situation.

The results of the research may be useful for creating an intellectual biography of Kulakovsky in the light of new biographical history.

Keywords: Yakut literature, A.E. Kulakovsky, ego-documents, diary, diarist, writer's worldview.

Введение

Дневники писателей как разновидность эго-документа или эго-текста – бесценный источник сведений о личности их создателей. В них мы находим субъективное отношение diarиста к окружающим его людям, социальной, политической и др. среде, к самому себе. В литературоведении дневник как документ личного происхождения долгое время выступал в качестве дополнительного документа при составлении биографии творческого человека. Однако в

последнее время диаристический жанр начинает восприниматься как персональный текст, содержащий в себе сведения о внутреннем мире автора, его картине мира как источник интеллектуальной биографии автора.

В якутском литературоведении дневники писателей не становились объектом научных исследований вплоть до начала XX в. и не были доступны широкому кругу читателей. В работах литературоведов они привлекались в качестве дополнительного источника биографических сведений. Как справедливо отмечает Л.Н. Романова, в «якутской гуманитарной науке дневник, да и в целом эго-документы, одна из самых малоизученных областей. Между тем, источниковедческая база в этом направлении огромная. В якутских архивных фондах хранится множество личных эго-документов, представляющих интерес для воссоздания как большой истории, так и истории повседневности разных эпох» [8, С. 44].

На сегодняшний день из архивных и личных фондов стали доступны читателям дневник первопоэта и ученого А.Е. Кулаковского, одного из основоположников якутской литературы А.И. Софронова (1886-1935), дневник «Факты и мысли» (на якутском языке) народного писателя Якутии С.П. Данилова (1917-1978).

Основные результаты

Дневник А.И. Софронова «Что-нибудь махонькое», датированный 1911-1915 гг. был составлен в начале творческого пути писателя и имеет сугубо личный характер, не нацеленный на предполагаемого читателя. Включает автобиографию, рассказы, фрагменты будущих литературных произведений. По мнению исследователя жизни и творчества писателя В.Г. Семеновой, «дневник Анемподиста Софронова по форме художественного воплощения авторского сознания относится к экзистенциальному жанровому типу дневников. В автобиографии, рассказах и зарисовках, представляющих собой рефлексию событий внутреннего мира личности, запечатлены его рассуждения о жизни и смерти, трудностях и бедах, встречающихся на жизненном пути человека, проблеме свободы. Автор стремится к самопознанию и поиску истинного знания: в дневниковых записях много вопросов, обращенных писателем к самому себе» [12, С. 134]. Дневник является едва ли не единственным эго-документом начинающего писателя, отражающим его внутренний мир и подробно рассмотрен в монографиях Г.Р. Кардашевского [3], В.Г. Семеновой [11]. Дневник размещен в 4 томе Собраний А.И. Софронова [12].

Появление в 2001 г. на страницах литературного журнала «Чолбон» («Полярная звезда») фрагментов дневника народного поэта Якутии С.П. Данилова «Факты и мысли» [1], охватывающий период с 1951 по 1978 гг., стало событием в литературной жизни Якутии, так как до этого момента диаристический жанр не был доступен читателям. Автор дневника был видным общественно-политическим деятелем, председателем Союза писателей Якутии, секретарем правления Союза писателей РСФСР. Кроме событий частной жизни диариста в дневнике зафиксированы значимые процессы и события, происходившие в Якутии и в СССР, например, партийные съезды, реабилитация имен дореволюционных писателей и П.А. Ойунского, гражданская панихида А.А. Фадеева и др., отношение писателя к существующему политическому строю, а также его размышления о литературе и искусстве. Дневник содержит черновые наброски будущих произведений поэта. Известно, что С.П. Данилов завещал напечатать дневник без каких-либо вмешательств со стороны редакторов, так как в них он «старался отразить всю правду о событиях, происходивших в жизни народа в течение последних сорока лет» [1, С. 79]. В 2018 г. дневник писателя был опубликован полностью.

Что касается дневника А.Е. Кулаковского [10], то это первый образец диаристического жанра в якутской литературе, который имеет исключительную ценность не только с точки зрения восстановления биографии первого якутского поэта, но и в силу исторического контекста времени создания дневника. 1920-е гг. в Якутии были временем глобальных изменений, участником которого был поэт. Кулаковский не был пассивным созерцателем трех революций и вызванных ими катаклизмов. В труднейший период социальной аномии в материальной и духовной жизни людей он был активным участником событий, *проживал* вместе со своим народом это сложное время. В этом плане Кулаковский являет нам уникальный пример творческой синергетики, так называемый «ход в народ», чтобы приблизить для якутов «ту эпоху человеческого существования ... когда он начинает жить осмысленной, духовной и полной наслаждениями жизнью под сенью лучезарной поэзии, прекрасной эстетики и под защитой всесильной науки и логики!...» [4, С. 64].

Кулаковский был не только поэтом, основоположником якутской литературы, первым из числа якутов исследователем родного языка, фольклора и культуры якутов, но и зачинателем изучения таких отраслей науки как биология, экономика, экология, социология, сельское хозяйство. Сингулярность его личности как «человека культуры» и «человека в культуре» (по М. Бахтину) проявилась в деятельной любви к народу, жажде быть полезным не только здесь и сейчас, но и в будущем. В письме «Якутской интеллигенции» Кулаковский писал: «Трудно только начало, а раз будет брошено семя, то оно даст скорые всходы» [4, С. 115]. Как поэт и исследователь, вышедший из гущи народной, возвращенный ею, Кулаковский очень хорошо понимал масштабно-инвариантную последовательность моментов, влияющих на развитие якутского края в условиях тогдашней России, а потому взгляд его «изнутри» положительно отличается от взгляда «извне».

Интеграция научного и художественного – характерная черта творчества Кулаковского. Рядом с высокохудожественными поэтическими творениями стоят его научные работы, в которых явно выразились идеалы и нормы метаэстетического уровня науки как доказательность и обоснование, объяснение и описание, построение и организация процесса знания. За короткий срок жизненного пути им был продемонстрирован пример высокой самоорганизации человека творческого. В этом плане особого внимания исследователей заслуживает дневник писателя, который он вел в период вынужденного пребывания в местности Таскан Сеймчанского наслега Оймяконского улуса (ныне Ягоднинский городской округ Магаданской области) с октября 1923 г. по июль 1924 г.

Дневник хранится в Национальном архиве Республики Саха (Якутия) в личном фонде доктора исторических наук, профессора Г.П. Башарина, с чьим именем связана многолетняя борьба за возвращение имени поэта и ученого, обвиненного в буржуазном национализме и мальтузианстве. На обложке ученической тетради написано «Дневник. 1923», далее на 18 листах присутствуют поденные записи на русском языке с 22 ноября 1923 г. по 6 апреля 1924 г. В

первой записи поэт зафиксировал цель ведения дневника «...браться за дневник имеется для меня масса причин. Во-первых: живя в уединенной тайге среди полудиких детей природы, не знаю о дне недели, а главное, о числе месяца... Во-вторых: надеюсь ежедневно записывать о том, что я сделал за день, видя малопродуктивность проведенного дня» (запись от 22 ноября 1923 г.). Автор перечисляет 5 причин, которые в конечном счете составляют мощную мотивационно-побудительную фазу деятельности Кулаковского в этот кризисный период.

Зимовка в Таскане – одна из самых драматических, но в то же время самых плодотворных в творческом плане периодов жизни Кулаковского. В чрезвычайно трудных житейских условиях за зимние месяцы были созданы поэма «Наступление лета», стихотворение «Виллюйский танец», первый вариант стихотворения «Песня столетней старухи», доведены до совершенства вершина поэтического дарования поэта – поэма «Сон шамана», цикл «Портреты якутских женщин», поэма «Дары реки», создан вольный перевод элегии Цыганова «Речка».

В январе 1924 г. Кулаковский закончил работу над словарем заимствований «Русские слова, перенятые и усвоенные якутами (кроме собственных имен и названий)», состоящий из 2358 слов. Словарь содержит теоретическую статью о правилах переделки иностранных слов на якутский язык с транскрипцией. В записи от 22 ноября 1923 г. можно увидеть, что идея создания словаря пришла к нему 19 ноября: «задумал регистрировать все слова, перенятые якутами от русских». О превосходном знании Кулаковским родного языка свидетельствует тот факт, что всего за четыре дня без каких-либо источников по памяти записал 1300 слов. В черновике работы Кулаковский написал: «Так как словарь написан мною экспромтом (в 20 дней) и на память, без всяких пособий, в захолустьи, вдали от центра страны (на Сеимчане – 2000 верст от Якутска), – естественно, что масса перенятых слов еще пропущена» (НА РС(Я), ф.386, оп.1, д.18, л.37об.).

Биографы классика ни в каких эго-документах Кулаковского не находят строк, где он говорит в свой адрес лестные слова или хвалит себя за что-то. Единственный такой случай отражен в дневнике: «Кажется, имею основание прихвастнуть, что в такой короткий срок (4 дня) без всякого пособия написать столько может только знаток языка» (запись 23 ноября 1923 г.). Автор отправил рукопись работы в Якутский отдел Русского географического общества, вполне сознавая ценность словаря в изучении якутского языка. В дневнике пишет: «Слова эти интересны в том отношении, что по ним можно судить о степени влияния русских на якутов и о степени усвоения последними культурных понятий. По ним также можно судить о способности переимчивости якутов» (запись от 22 ноября 1923 г.). 16 мая 1924 г. на заседании ЯКОРГО была обсуждена рукопись сеймчанского Словаря, а Кулаковский заочно был избран членом-сотрудником общества. Ему было предоставлено право бесплатного проезда и оказания содействия как члену-сотруднику РГО в работе по собиранию этнографических, исторических, статистических материалов.

В записи от 4 марта 1924 г. находим: «Прибавил о четвероногих и рыбах». Это дает нам право говорить о том, что Кулаковский продолжал работать над «Видами животного и растительного царств, известные якутам», начатого им в 1912 г. Работа, где дан первый полный Список названий органического мира Якутии, была напечатана в III томе Известий Якутского отдела государственного русского географического общества в 1929 г. Она состоит из Предисловия, разделов «Млекопитающие», «Птицы», «Пресмыкающиеся и земноводные», «Рыбы», «Беспозвоночные», «Деревья», «Ягоды», «Съедобные травы», «Травы и другие растения низшего порядка» и приложения. Так, задолго до начала естественно-научных исследований Якутии, Кулаковским была составлена классификация животного и растительного мира на якутском, русском и латинском языках, что позволяет говорить о том, что именно им было положено начало биологических исследований, а именно систематике, основному разделу биологии.

Параллельно пишет легенды и предания о персонажах мифологии якутов, исторических личностях, повлиявших на развитие родного края (например, предводитель якутов Дыгын, шаман Кээрэкээн и др.). Более десяти образцов Кулаковский написал по памяти, что говорит о его глубоком знании мифологии якутов.

Если учесть неимоверно трудные житейские условия жизни в Таскане, то Кулаковский демонстрирует возможности человека с «особой поведенческой культурой» (по Романовой Л.Н.), который в кризисной ситуации не изменяет своим жизненным принципам, ценностным установкам и являет пример удивительной трудоспособности как поэт и ученый. Он пишет, что приходилось «лечь вследствие холода в шубе, чтобы согреться под одеялом» (запись от 30 ноября 1923 г.), об отсутствии свеч и сала для жирника (световой день на Севере очень короткий): «днем было так темно, что читать и писать было нельзя» (запись от 2 декабря 1923 г.), «жир внутренностей оленя я собрал и выгнал сало; вышла одна сковорода; сало это весьма нужно для жирника. Светильня из японского мотоуса не удалась для жирника, так как он вследствие тупости сучения обладает плохой капиллярностью и гигроскопичностью» (запись от 1 декабря 1923 г.) и нескончаемых хлопотах о запасе еды: «Была стряпка, Мавра, сильно плачет, так как собака съела мездру кожи, которую она сама рассчитывала выскоблить на пропитание...» (запись от 18 января 1924 г.)

Одним из первых о сеймчанском дневнике заговорил известный российский тюрколог Н.Н. Тобуроков в работе «Изучение жизни и творчества Ексеюлях Алексея в высшем учебном заведении»: «Каждый, кто прочитает этот дневник, поймет, что Кулаковский имел очень твердый характер, обладал терпением и выдержкой, стойкостью, умелыми руками и смекалкой, что он является человеком, по-настоящему увлеченным научным и художественным творчеством» [15, С. 43]. В учебном пособии Тобуроков выделил 5 периодов, отражающих основные вехи отношения критики к наследию поэта с 1920-го до начала 2000-х гг. по принципу основных изменений в общественно-политической жизни Якутии.

Глубокий анализ северного периода жизни писателя с привлечением архивных источников и воспоминаний современников из частных архивов проведен в монографии Л.Р. Кулаковской «Научная биография А.Е. Кулаковского: личность поэта и его время» [5]. На основе предыдущих исследований жизни и творчества писателя и более 1000 единиц архивных источников представлена новая периодизация жизни и деятельности классика, систематизированы и разделены на этапы материалы длительной полемики по проблемам его литературного и научного наследия. В монографии впервые дан историко-реальный анализ дневника как источника, воссоздающего духовный и творческий

портрет Кулаковского в кризисный период жизни. Значение дневника исследователь видит в том, что «личная жизнь писателя в этих суровых условиях, литература, упомянутая им в дневнике, представляют собой важнейший источник изучения его творчества. Порой кажется, что он сам подсказывает нам, до какой степени важно знать его как человека со свойственными людям слабостями. Ни один документ не откроет нам тайны создания литературных произведений, научных озарений поэта, как этот дневник» [5, С. 244].

Более подробно северная эпопея Кулаковского рассмотрена в книге Д.Д. Саввинова «А.Е. Кулаковский: судьба северных этносов» [9], где автор раскрывает личность поэта как талантливого дипломата своего времени, посвятившего немало сил на защиту прав коренных народов севера, на сохранение целостности этносов, улучшение условий их жизнедеятельности в период работы в должности Булунского окружного комиссара с августа 1917 г. по июнь 1920 г. и уполномоченным Земства с 21 марта 1918 г. по 31 марта 1919 г. В научно-популярном очерке сеймчанской зимовке отведена глава, где автор останавливается только на тех записях в дневнике, которые представляют наибольшую ценность в понимании некоторых сторон научной и литературной деятельности Кулаковского как поэта, новатора в науке (якутской) и просто человека. Исследователь полагает, что Кулаковский «с самого начала ведения дневника ставил перед собой вполне определенную задачу – оставить после себя документ, который позволил бы, с одной стороны, будущим исследователям его творческого наследия правильно оценить его наследие, с другой – близким ему людям (родственникам) понять образ его жизни как поэта и научного работника» [9, С. 16]. В книге отражен гражданский подвиг писателя в качестве инициатора и исполнителя мирной ликвидации повстанческого движения в Оймяконе в 1925 г.

В вышеназванных работах дневник А.Е. Кулаковского привлекается исследователями в качестве источника биографических сведений, как документ, отражающий его внутренний мир, однако не является объектом специального научного изучения. Дневник писателя как «значимый текст культуры, позволяющий не только раскрыть внутренний мир поэта, узнать реальные события из его биографии, но и получить представление об атмосфере того времени, настроениях общества, веяниях моды, нравах, обычаях, традициях и т.д.» через восприятие самого diarиста рассматривается в работах Л.Н. Романовой» [7], [8].

В статье «"Сеймчанский дневник" в интеллектуальной биографии А.Е. Кулаковского: коммуникативные стратегии автора» [7] проведен глубокий и детальный анализ дневника как источника личного происхождения в аспекте его коммуникативных стратегий и прагматичных функций, определенных самим автором. «Рефлексия творческих людей (персоналий интеллектуальной истории), направленная на осмысление собственной идентичности, осознание предпосылок для формирования мировоззрения, художественно-эстетических принципов, социально-идеологических взглядов и т.д., часто находит яркое отражение в их дневниках, письмах, мемуарах, где непосредственно проявляется личное Я автора в автокоммуникативной рефлексии «Я-в-мире» [7, С. 225]. Отсюда следует, что эго-документы наравне с литературными текстами представляют собою единый культурный текст автора, который, в свою очередь, помогает построению интеллектуальной биографии. Новизна исследовательского подхода Л.Н. Романовой в том, что на основе изучения источников личного происхождения первых якутских писателей как создателей литературной традиции, «можно проследить не только их творческую и личностную эволюцию, но и реконструировать становление национальной литературы в целом в контексте интеллектуальной истории» [7, С. 225-226].

Широкий исследовательский потенциал дневника исследователь усматривает и в том, что «изолированное проживание, ограниченное общение на далеком Севере, действительно, обусловили появление «интимного пространства», склоняющего к саморефлексии» [7, С. 227]. По мнению автора, интонация обособления собственного Я diarиста от Других (местного общества) сохраняется во всей структуре дневника. Границы «своего» и «чужого» обнаруживаются в характеристике автора норм поведения северян. Примером тому является искреннее недоумение Кулаковского от встречи родных сестер после восьми лет разлуки, при этом не выказывающих никакой радости, в отличие от якутов центральных улусов. Или плач родителей на похоронах умершего от болезни мальчика воспринимается поэтом как проявление малодушия. Ученый объясняет это тем, что у центральных якутов прилюдное оплакивание умершего не допускается и даже осуждается, так как душа должна «отправиться» в иной мир в «спокойном» состоянии. В дневнике достаточно примеров, когда собственное Я diarиста встречает отличия и в бытийных потребностях северян, особенностях приема пищи, поведения при общении и т.д.

Второй задачей ведения дневника исследователь считает «искусственное подвинчивание» сил, желание Кулаковского сделать дневник стимулом для постоянной творческой деятельности: «Ежедневный труд в неблагоприятных для интеллектуальной работы условиях говорит о высокой самоорганизации автора» [7, С. 228]. Как правильно замечено, записи в начале ведения дневника достаточно длинные, в конце же короткие и немногословные, то есть автор последователен и не изменяет задаче фиксировать события, «документирует» свои действия, подводит итоги прожитого дня. Дневник выполняет автомоделирующую роль в самоидентификации автора – таков второй вывод ученого. Третий пункт целеустановки – автокоммуникативная функция (позиция Я-Я). Писатель как бы фиксирует, запоминает себя при помощи дневника, оставаясь верным сформулированной задаче. Дневник становится полноценным собеседником diarиста, его личным пространством, где он может быть самим собой, рассуждать, высказывать эмоции и т.д.

Исследование ученого можно считать началом анализа документов личного происхождения Кулаковского с точки зрения их коммуникативных стратегий, прагматических функций текста, требующих дискурсивного подхода. В этом плане сеймчанский дневник поэта, написанный в трудный период его жизненного пути, является наиболее продуктивным в выявлении внутренней эволюции писателя. Объем выполненной научной работы и созданных поэтических произведений говорит о титанической работоспособности, физической выносливости и генетически заложенной креативной природы личности поэта и ученого.

В другой статье «"Сеймчанский дневник" А.Е. Кулаковского: проблема самоидентификации автора» [8] в свете новых исследований по интеллектуальной истории, «новой биографике» исследователь рассматривает дневник

Кулаковского как персональный текст, помогающий реконструкции его личной жизни, позволяющий проследить развитие внутреннего мира. Текстовое пространство дневника есть условие, инструмент самоидентификации автора в кризисный период в новых для него жизненных обстоятельствах. В этом плане ученый прослеживает процесс самоидентификации Кулаковского как diarиста в таких аспектах, как «целесолагание ведения дневника; самооценка и самопрезентация автора в контексте преодоления кризиса идентичности; самопозиционирование, самополагание автора в этнической и социокультурной среде; самоорганизация и саморазвитие путем креативной (научной и литературной) деятельности» [8, С. 44]. По мнению исследователя, Кулаковский с самого начала ставит перед собой задачи самоидентификации, во-первых, самопрезентации и адекватного позиционирования себя в той незнакомой социальной среде, в которой он оказался. Во-вторых, самоорганизации, стимуляции продуктивной творческой деятельности как способ самосохранения и адаптации в новых жизненных обстоятельствах. В-третьих, авторефлексии во временном разрыве, в возможности ретроспективы. В-четвертых, в самооценке через отношение к Себе Других (семьи, потомков), и, в-пятых, во внутреннем диалоге, желании «отводить душу» в дневнике за неимением равного по интеллекту собеседника [8, С. 46]. Эти задачи и определили поведенческие, деятельностные и коммуникативные стратегии Кулаковского в труднейших условиях выживания, что способствовало самосохранению и творческому совершенствованию, помогло преодолению кризиса идентичности в эпоху перемен.

В статье находим рассуждения автора и о жанре дневника: художественно-публицистический жанр исключается в силу недостаточности ярко проявленного, на первый взгляд, плана переживаний автора дневника. Исследователь говорит «об эклектичности явления, сочетающем в себе жанровые признаки ежедневника, художественно-публицистического текста, дневника этнографических и лингвистических наблюдений (т.к. здесь запечатлено много сведений об обычаях, нравах, быте северных якутов), и, наконец, дневника самоидентификации поэта и ученого в изменяющемся мире» [8, С. 45].

Заключение

А.Е. Кулаковский – первопоэт, философ, исследователь, человек неординарного дарования, движимый силой деятельной любви к людям, еще при жизни стал духовным лидером своего народа. Сегодня, в период перечтения необычайно глубокого и содержательного наследия Кулаковского, пересмотра системы его художественно-философских воззрений, речь идет о *жизненности* его феномена как человека, впервые на уровне художественного слова поднявшего вопросы национальной духовной самоидентификации родного народа в переломную эпоху развития России. В этом плане возрастает интерес исследователей к интеллектуальной биографии классика, когда в центр исследования ставятся мировоззренческие ценности личности поэта, система его нравственных, общественных, философско-эстетических взглядов.

Раскрытие выдающейся личности во всей его уникальности и полноте возможно при исследовании эго-документов, в котором диаристическому жанру отведено особое место как документу личного происхождения. Если даже автор имеет в виду предполагаемого читателя, дневник остается его сугубо личным пространством, где происходит диалог с самим собой. Дневник, обладая только ему присущими жанровыми особенностями, «держит» автора в рамках «своих» функциональных принципов, таких как самоидентификация, рефлексия и т.д. Фиксируя события и отражая внутреннее состояние, автор смотрит на себя как бы со стороны внутри жизненного потока с точки зрения онтогенетического развития (как неповторимый Я), с точки зрения филогенетического развития (как представитель таких же людей, как и Я) и с точки зрения своей индивидуальной истории в контексте общих традиций и той конкретной культуры, с которой человек себя идентифицирует.

Через призму сеймчанского дневника мы получаем возможность взглянуть глазами Кулаковского на людей и события тех лет, на окружающую суровую действительность, раскрываем для себя личность уникального в своем роде одного из первых образованных якутов, еще при жизни ставшего духовным лидером своего народа.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Данилов С. П. Факты и мысли / С. П. Данилов // Чолбон. — 2001. — № 4. — С. 79-95.
2. Егоров О.Г. Дневники русских писателей XIX в.: исследование / О.Г. Егоров. — М.: Флинта: Наука, 2002. — 287 с.
3. Кардашевский Г.Р. Досюветская драматургия А.И. Софронова: монография / Г.Р. Кардашевский. — Якутск: Кн. изд-во, 1982. — 102 с.
4. Кулаковский А.Е. Якутской интеллигенции / А.Е. Кулаковский. — Новосибирск: Наука, 2012. — С. 64.
5. Кулаковская Л. Р. Научная биография А. Е. Кулаковского: личность поэта и его время / Л. Р. Кулаковская. — Новосибирск: Наука, 2008. — 296 с.
6. Михеев М.Ю. Дневник как эго-текст (Россия, XIX - XX) / М.Ю. Михеев. — Москва: Водoley Publishers, 2007. — 262 с.

7. Романова Л.Н. "Сеймчанский дневник" в интеллектуальной биографии А.Е. Кулаковского: коммуникативные стратегии автора / Л.Н. Романова // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. — Тамбов: Грамота, 2019. — Том 12. Выпуск 1. — С. 225-229.
8. Романова Л.Н. «Сеймчанский дневник» А.Е. Кулаковского: проблема самоидентификации автор / Л.Н. Романова // *Международный научно-исследовательский журнал*. — 2020. — №11 (101). — С. 44-50.
9. Саввинов Д.Д. «А.Е. Кулаковский: судьба северных этносов» / Д.Д. Саввинов — Якутск: Алаас, 2012. — 72 с.
10. «Сеймчанский дневник» А. Е. Кулаковского. 1923-1924 гг. / сост. Р. Р. Кулаковская, Н. С. Степанова. — Якутск: Бичик, 2018. — 64 с.
11. Семенова В.Г. Алампа. Личность в истории народа: монография / В.Г. Семенова — Якутск, Ситим-медиа, 2011. — 448 с.
12. Семенова В.Г. Дневник как отражение личности писателя (на материале дневников А. Софронова и С. Данилова) / В.Г. Семенова, Н.Н. Тобуроков // *Международный научно-исследовательский журнал*. — №1 (16), часть 4, Январь, 2018. — С. 133-134.
13. Софронов А. И. Сочинения. Т. 4. Переводы, произведения, статьи, документы: собрание сочинений / А. И. Софронов. — Якутск: Бичик, 2011. — 480 с.
14. Суржикова Н. В. Эго-документы: интеллектуальная мода или осознанная необходимость? / Н. В. Суржикова // *История в эгодокументах: исследования и источники: сб. статей / гл. ред. Н. В. Суржикова*. — Екатеринбург: АСПУр, 2014. — С. 6-13.
15. Тобуроков Н. Н. Өксөкүлээх Өлөксөй олоһун уонна айар үлэтин үрдүк үөрэх кыһатыгар үөрэтии / Н. Н. Тобуроков. — Дьокуускай: Кудук, 2001. — 112 с.
16. Троицкий Ю. Л. Аналитика эго-документов: инструментальный ресурс историка / Ю. Л. Троицкий // *История в эго-документах: исследования и источники*. — Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук. — Екатеринбург: АСПУр, 2014. — С. 14-32.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Danilov S. P. Fakty i mysli [Facts and Thoughts] / S. P. Danilov // *Cholbon*. — 2001. — № 4. — P. 79-95 [in Yakut]
2. Egorov O.G. Dnevniky russkikh pisatelej XIX v.: issledovanie [Diaries of Russian Writers of the XIX Century: a study] / O.G. Egorov. — M.: Flinta: Nauka, 2002. — 287 p. [in Russian]
3. Kardashevskij G.R. Dosovetskaya dramaturgiya A.I. Sofronova [A.I. Sofronov's Pre-Soviet Dramaturgy]: monograph / G.R. Kardashevskij. — Yakutsk: Book Publishing House, 1982. — 102 p. [in Russian]
4. Kulakovskij A.E. YAkutskoj intelligencii [Yakut Intellectuals] / A.E. Kulakovskij. — Novosibirsk: Nauka, 2012. — P. 64 [in Russian].
5. Kulakovskaya L. R. Nauchnaya biografiya A. E. Kulakovskogo: lichnost' poeta i ego vremena [Scientific Biography of A. E. Kulakovsky: the Personality of the Poet and His Time] / L. R. Kulakovskaya. — Novosibirsk: Nauka, 2008. — 296 p. [in Russian]
6. Miheev M.YU. Dnevnik kak ego-tekst (Rossiya, XIX - XX) [Diary as an Ego-text (Russia, XIX - XX)] / M.YU. Miheev. — M.: Vodolej Publishers, 2007. — 262 p. [in Russian]
7. Romanova L.N. "Sejmchanskij dnevnik" v intellektual'noj biografii A.E. Kulakovskogo: kommunikativnye strategii avtora ["The Seimchansk Diary" in A.E. Kulakovsky's Intellectual Biography: Communication Strategies of the Author] / L.N. Romanova // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Theory and practice]. — Тамбов: Грамота, 2019. — Vol. 12. No. 1. — P. 225-229 [in Russian].
8. Romanova L.N. «Sejmchanskij dnevnik» A.E. Kulakovskogo: problema samoidentifikacii avtor [A.E. Kulakovsky's "Seymchan Diary": the Problem of the Author's Self-identification] / L.N. Romanova // *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal* [International Research Journal]. — 2020. — №11 (101). — P. 44-50 [in Russian].
9. Savvinov D.D. «A.E. Kulakovskij: sud'ba severnyh etnosov» ["A.E. Kulakovsky: the Fate of the Northern Ethnic Groups"] / D.D. Savvinov — Yakutsk: Alaas, 2012. — 72 p. [in Russian]
10. «Sejmchanskij dnevnik» A. E. Kulakovskogo. 1923-1924 gg. ["The Seymchan Diary" by A. E. Kulakovsky. 1923-1924] / compiled by R. R. Kulakovskaya, N. S. Stepanova. — Yakutsk: Bichik, 2018. — 64 p. [in Russian]
11. Semenova V.G. Alampa. Lichnost' v istorii Naroda [Alampa. Personality in the History of the People]: a monograph / V.G. Semenova — Yakutsk, Sitim-media, 2011. — 448 p. [in Russian]
12. Semenova V.G. Dnevnik kak otrazhenie lichnosti pisatelya (na materiale dnevnikov A. Sofronova i S. Danilova) [Diary as a Reflection of the Writer's Personality (based on the material of the diaries of A. Sofronov and S. Danilov)] / V.G. Semenova, N.N. Toburokov // *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal* [International Research Journal]. — №1 (16), part 4, January, 2018. — P. 133-134 [in Russian].
13. Sofronov A. I. Sochineniya. T. 4. Perevody, proizvedeniya, stat'i, dokumenty: sobranie sochinenij [Works. Vol. 4. Translations, works, articles, documents: collected works] / A. I. Sofronov. — Yakutsk: Bichik, 2011. — 480 p. [in Russian]
14. Surzhikova N. V. Ego-dokumenty: intellektual'naya moda ili osoznannaya neobhodimost'? [Ego Documents: Intellectual Fashion or Conscious Necessity?] / N. V. Surzhikova // *Istoriya v egodokumentah: issledovaniya i istochniki* [History in Egodocuments: Research and Sources]: collection of articles / ed. in chef N. V. Surzhikova. — Yekaterinburg: AsPUr, 2014. — P. 6-13 [in Russian].
15. Toburokov N. N. Өксөкүлээх Өлөксөй олоһун уонна аҕар үлэтин үрдүк үөрөх кыһатыгар үөрөтүө [The Study of the Life and Work of Alexey's Exekyuli in a Higher Educational Institution] / N. N. Toburokov. — D'okuuskaj: Kuduk, 2001. — 112 p. [in Yakut]
16. Troickij YU. L. Analitika ego-dokumentov: instrumental'nyj resurs istorika [Analysis of Ego Documents: an Instrumental Resource of a Historian] / YU. L. Troickij // *Istoriya v ego-dokumentah: issledovaniya i istochniki* [History in

Ego Documents: research and sources]. — Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. — Yekaterinburg: AsPUr, 2014. — P. 14-32 [in Russian].